

Голубая лента.

Алёна проснулась рано. А как иначе? Ведь у неё сегодня день рождения! Ей исполнилось ровно пять лет!!!

В доме, как оказалось, уже никто не спал. Даже её старший брат Максим, и тот уже во всю носился по квартире.

Алёна встряхнула головой. Белокурые волосы, мягкой волной, обрамили её милостивое личико. И, как была в пижамке побежала в ванную, наскоро побрызгала водой на лицо, обтёрлась, и выскочила в комнату.

А её тут как раз и ждали.

Бабушка подала ей подарок. Она связала для Алёны, к будущей осени, аленький шарфик, концы которого были оформлены как мордашки собачек. А вместо глаз у собачек были вставлены бусинки. Одна тёмно-синяя, а другая белая. Глазки у собачек получались очень интересные, добрые.

Дедушка подарил Алёне книжку. И тоже почему-то в алой обложке. Да не простую книжку. Когда её раскрываешь, то на страницах встают: горы, дома, зверюшки, герои сказок, замки. Раскрываются поля, моря, пароходы и тому подобное. Всё очень красочное, зрелищное.

Папа подарил Алёне маленький мобильный телефончик. В нём только десять кнопочек с цифрами и буквами.

Но, папа объяснил Алёне

- Когда нажмёшь кнопочку один, то это будет звонок ко мне. Когда два, то это мама. Три – бабушка, четыре – дедушка. А когда и у Макса будет телефон, то это будет циферка пять. И сколько, сколько хочешь друзей ты можешь поместить в этот телефончик. Не гляди, что он маленький.

Алёна ещё не умела ни писать, ни считать, но всё-таки сообразила:

- Папа, а тут всего десять циферок с нуликом. А когда закончатся они, как я смогу иметь много друзей?

- Ну не волнуйся. Будут твои друзья, после девяти с двумя цифрами, а то и с тремя, и больше. Но, куда тебе столько друзей? Обзвонить всех не успеешь.

- А я и не буду их обзванивать, - обиженным голосом проговорила Алёна: - я общаться с ними буду.

- А...а...а! – протянул папа: - вон оно как!?

И Максим подарил Алёне подарок. Он ей преподнёс, в красивой коробочке, ёлочную игрушку. И коробочка, и игрушка тоже алого цвета. Да и игрушка оказалась не простая, а внутри неё стоял великолепный замок. И, когда встряхнёшь игрушку, вверх взмывали серебряные снежинки, и тихо, плавно опускались на этот замок.

И вовсе не важно, что день рождения у Алёны было в мае, все подарки, даже ёлочная игрушка, ей пришлись по нраву.

Настала очередь мамы.

Та тоже достала красивую коробочку. Но не алую, а разноцветную. Когда открыла её, то взору Алёны предстала простая шёлковая, голубая лента.

Не сказать, что совсем простая, она, как бы светилась, тускло отражая свет, падающий из окна, и разбрасывала по комнате много мелких «зайчиков».

Алёна, как заворожённая уставилась на эту простую ленту. И, когда мама протянула ей коробочку, то тут же достала её и, зажав в кулачке, понеслась по комнате.

И, где-то с час, она носилась по комнате, не выпуская ленту из кулачка.

А остальные подарки сиротливо остались лежать на диване, где Алёна их принимала. Потом выскочила на балкон. Благо дверь была открыта. И, свесившись с перил, стала размахивать ленточкой вправо, влево.

Но, кулачок, как-то невольно разжался, и ленточка, выскользнув из него, взмыла к небу, мягко извиваясь змейкой под потоками воздуха. И растворилась в небесной голубой выси.

- Мама, ленточка улетела, - подбежав, вся в слезах, пожаловалась Алёна.

Мама обняла дочку, погладила по её белокурой головке, и, спокойным, ласковым голосом сказала:

- Ничего доченька, найдётся. А нет, то куплю тебе другую, алую.

- Не хочу алую, хочу голубую.

- Голубую, так голубую, - согласилась мама.

Вечером, когда садились к праздничному столу, Алёна была принаряжена в своё лучше платье. Мама ей заплела косичку и вплела в неё... алую ленту. Голубых, как раз, в магазине уже не было.

***

Пролетели годы. Алёна успела за это время, отучиться в школе, поступить в институт, уйти с третьего курса, так и не завершив своё высшее образование. Три раза выйти замуж. Первый муж попался очень ревнивый. Алёна и шага не могла ступить без его бдительного контроля. Второй муж оказался слишком властным. Это ничуть не лучше ревнивого мужа. Снова Алёна не могла и шага ступить без его бдительного контроля. Третий совсем полная противоположность тем двоим. Тот вообще, уже с первого же месяца совместной жизни, никогда Алёну не преследовал, но и сам нуждался, чтобы за ним понаблюдали.

Дело в том, что ни одной смазливой мордашки, ни одной мини юбки, он мимо себя не пропускал.

Так мало того, он ещё и к бутылочке прикладывался основательно.

Но с ним-то Алёна прожила дольше чем с теми двумя. Целых полгода.

И, пока с ним жила, то и сама научилась к бутылочке прикладываться. И, довольно-таки основательно и регулярно.

В один из дней своего одиночества, в городе встретила случайно свою подругу по институту. Та, хоть и можно было назвать её ветреной, упорно продолжала учиться в институте, еле-еле перекрывая те «хвосты», которые успевала наделать в каждом семестре.

Лиля, (так назовём ту подругу), после не долгого разговора, в стиле: ну как ты, ну как живёшь, что нового, неожиданно предложила:

- Слушай Алёнка, тут мы группой в эти выходные решили выехать на пикник. Как ты смотришь на это? Может давай с нами? Чего тебе в городе киснуть.

- Вроде бы как-то не удобно. Я же уже не в вашей группе, - пыталась отказаться Алёна.

- Чего там неудобного? Ты же практически всех знаешь. Думаю, что даже все рады будут снова с тобой пообщаться.

Таким образом, Лиля и уговорила Алёну совершить поездку на природу со своей бывшей группой.

Расположилась группа на берегу реки.

Место выбрали прекрасное, навеивающее экзотику.

Густой лес подступал к самой воде. И лишь та полянка, на которую вела наезженная просёлочная дорога, соединяла эту полянку с внешним миром.

Поставили палатки, разожгли костёр. Только вот для чего? День и так оказался знойным.

Кто-то пошёл рыбачить, удалившись от всей шумной компании. Кто-то парой ушёл в заросли кустарников, заниматься любовью, или как это назвать правильно.

У костра осталась небольшая кучка романтиков, которые слушали подобие песни, в исполнении Серёжи, мучившего расстроенную гитару, выжимая из неё какие-то нелепые аккорды.

И там же, у костра, пошла по кругу первая бутылочка. За тем втора, а там, кто их считал?

Алёна так же оказалась в этом кругу романтиков. И тоже, не отставала от всей этой компании.

После, не знаю какой там бутылочки, Алёна, уже порядком захмелевшая, вдруг поняла, что её сдавливают в свои тиски необъяснимая тоска.

Она встала и уже еле слушающимися ногами, зашагала в сторону леса.

Компания совершенно никак не отреагировала на её уход.

Не возьмусь утверждать, сколько Алёна брела по лесу. Ей самой показалось, что она всего минут пять была в пути. Но, как бы там ни было, добрела она до какой-то лужайки, посреди которой стояла одинокая, отделённая от других деревьев, берёзка. Алёна подошла к ней, и прижалась лбом к её стволу.

На миг ей показалась, что берёзка вздрогнула от прикосновения её лба.

«Чего спяну ни причудится», - решила Алёна.

И тут потекли её мысли. Потекли сначала медленно, как полноводная река. А потом всё больше и больше стали набирать обороты.

Почему-то она вспомнила себя в день своего пятилетия. Вспомнила все подарки от её родных и близких. И, очень ярко вспомнила голубую ленту, которую ей подарила мама. И, очень явственно увидела, как та лента выскальзывает у неё из кулачка, извиваясь змейкой, взмывает в воздух и уносится к небу.

И дальше всё быстрее и быстрее поплыли перед ней: годы учёбы в школе, поступление в институт, первая любовь к её первому мужу. Тогда её очень забавляла его ревность.

Можно сказать, что в большей степени он и способствовал тому, что Алёна оставила учёбу в институте.

Вспомнила невыносимую боль от его незаслуженных упреков. Унижения, которые ей приходилось претерпевать каждый день.

Вспомнила и то чувство облегчения от расставания с этим человеком.

Вспомнила и второго, деспотичного мужа. Ей сначала тоже нравилось его внимание. Она это всё воспринимала как чистую любовь. Но, вскоре она поняла, властвуя над ней, он наслаждается. И вовсе ему не за чем её любить. Он, обладая внутренней скрытой трусостью, упивался властью хоть над кем-то.

Ну уж о третьем муже, что и говорить.

Его непосредственность, наглая самоуверенность в своей непревзойдённости, тоже по началу нравилась Алёне. Нравилось и то, что многие девчата заглядывались на него. Нравилось и то, что он весёлый. И она всегда с удовольствием смеялась над его плоскими шуточками, выдавая их за великий юмор.

Но его почти ежедневные измены, постоянная ложь и оправдания (Алёнка, ты всё неправильно поняла), до того достали, что и с ним она развелась без всякого сожаления о прожитой совместной жизни.

И вот стоит она, прижавшись лбом к берёзке, такая же одинокая, как и та, а вокруг неё лес из людей. Но нет ни одного, к кому бы она прижалась всем сердцем. И лишь два портрета, рисуемых её воображением перед ней. Это она в пять лет, с белокурыми волосами, которые мягкой волной обрамляют её миловидное личико. И портрет уже 23 летней Алёны, с волосами, потемневшими до тёмно-русого цвета со временем. И эти волосы вовсе не обрамляющие её повзрослевшее, похудевшее и ставшее каким-то заострённым лицом, а беспорядочная копна, коротко остриженная чуть колыхалась ветром у макушки.

И ей так стало жалко себя, что она расплакалась. И лишь одно желание жило внутри неё – как хорошо, если бы она снова стала той маленькой пятилетней девочкой.

Слёзы, стекая по щекам, жгли и щепали кожу. И, невольно Алёна задрала голову вверх. И, чудо, её взгляд упёрся в ветку, которая находилась практически на уровне её глаз. От удивления у Алёны и слёзы тут же высохли.

На ветке, едва держась, висела её голубая лента.

За эти годы с ней ничего не случилось. Она была всё так же голубая, и, своей глянцевою поверхностью, отражала удивительный солнечный свет.

Алёна бережно сняла с ветки ленту и, аккуратно свернув её, положила в карман своих джинсов.

Потом стала оглядываться, где она очутилась. Ей казалось, что вот здесь, буквально за теми кустами, должна быть поляна, на которой расположились друзья, с которыми она приехала на пикник.

Но, за кустами оказался лес, за следующими тоже лес. И, к каким только она кустам не приближалась, за ними был только лес, лес да лес.

Алёна остановилась. Паника охватила её.

И, когда она была уже на грани отчаяния, услышала за собой нежный, но твёрдый голос:

- Девушка, вы что, заблудились?

Алёна испуганно оглянулась.

У ближайших кустов стоял молодой парень. Высокий, статный, красивый. Тёмные волосы, ровными прядями, спадали до плеч. Голубые глаза излучали доброту и участие.

Глядя на это лицо, невольно пропитываешься доверием.

- Да что вы, - заговорила Алёна: - мы тут с друзьями приехали на пикник. Я отошла за кусты, и теперь совершенно не пойму, куда делась та речка, та поляна?
- А речка как называется, не Кривянка случайно, что течёт возле села Распутное?
- Да, Кривянка.
- Ну вы и даёте девушка! Забрались в лес за пять километров от той речки. И говорите, что только за кустики зашли.
- Как за пять? Не может быть!
- Ну что же, не верите мне, то покажите те кустики, за которыми прячутся ваши друзья.

На это Алёна только наивно, совсем по-детски, пожала плечами.

- Ну ладно девушка, я как раз иду в Распутино. Мне надо на автобус не опоздать. Я, к бабуле, приезжал в Соловьёво, и вот, решил сократить дорогу. Через лес в Распутино куда ближе. Так что, идём, составлю вам компанию, выведу вас на вашу поляну с друзьями.

Сказав это, парень уверенно направился, прямо через кусты в самую гущу леса.

Следуя за ним, Алёна постоянно удивлялась, как уверенно этот парень идёт прямо через лес, где ни тропинки не видно, ни намёка на какую бы то ни было дорогу.

И её стали одолевать сомнения: «А может он какой-нибудь маньяк? Сейчас заведёт в самую глушь и прикончит. Тут меня точно уже никто не найдёт».

Так немного подумав, потерзавшись сомнениями, Алёна решила обратиться к незнакомцу.

- Слушай парень, а ты случайно не какой-то там маньяк? Вот сейчас заведёшь меня в глушь и прикончишь.

- А смысл? Тем более, мы с тобой и так в глуши. Ближайшее село километров в трёх от суда. Думал бы что худое, то, кричи не кричи, никто бы на помощь не пришёл.

«Резонно», - мелькнула мысль у Алёны.

- Ну извини, я просто, не подумавши ляпнула.

Пройдя ещё какое-то расстояние Алёна решила спросить:

- Мы с тобой уже столько идём, а я так и не знаю имени моего спасителя. Как тебя звать?

- Вообще-то имя у меня уж очень незатейливое, Иваном меня зовут.

- А что, хорошее имя. Все сказочные герои были Иванами. И даже цари встречаются,

- как бы оправдывая Ивана затараторила Алёна: - а я вот Алёна. Тоже имечко не ахти себе.

- Почему не ахти? Мне нравится.

- Да? – Алёна подошла к Ивану: - здорово! Мы с тобой как два сказочных героя.

И, уже шагая рядом, насколько это позволял лес, они разговорились по-настоящему. Алёна узнала, что Иван учится в институте, будет когда-то программистом, или что-то в том же духе. Живёт с родителями в городе. К бабуле приезжает раз, а то и два раза в месяц. Помогает по хозяйству. Бабуся живёт одна уже пять лет. Дедушка умер по старости. Тут уж ничего не попишешь. А бабуся тоже уже в годах преклонных. Ей самой тяжело управляться с хозяйством.

О себе же Алёна ничего не стала рассказывать. А что рассказывать? О том, что за последние годы она пристрастилась к бутылке? Что её уже оставили все её прежние друзья? Что она давно не в ладах и с матерью, и с отцом, и со старшим братом?

Такое первому встречному не расскажешь.

Но, как бы там ни было, и какой бы длинной дорога ни была, а пришли Иван и Алёна на ту самую поляну, где должны были быть Алёнены друзья.

Но, видимо времени прогулки было достаточно для того, чтобы и эти нагулялись, покричали, зовя Алёну, собрались и уехали в город без неё.

И осталась Алёна одна из их собрания. Без денег, без вещей.

- Ну что делать будешь? – спросил Иван Алёну.

- Не знаю, может пешком до города потопаю.

- Это двадцать километров-то? Ладно тебе, у меня есть деньги. Поехали автобусом.

***

Прошло ещё с полгода. Зима выдалась снежная и морозная.

Как-то вечером Алёна не спеша брела с работы, погружённая в свои несладкие мысли. Работа на кассе в магазине ей уже давно и порядком осточертела. Она бы давно ушла с этой работы. Но, жить как-то надо. И что она ещё умеет? Где она ещё могла бы применить свои знания и умение?

Вот и приходится тянуть эту ляжку.

Неожиданно она услышала позади себя голос:

- Алёна, Алёна...

Остановилась, обернулась.

В нескольких метрах от неё стоял какой-то парень и звал её.

Высокий, в лисьей мохнатой шапке, в пуховике, высоких зимних ботинках.

Всё это Алёна отметила одним взглядом. Но, зовущего её так и не узнала.

Тогда тот подошёл ближе:

- Здравствуйте Алёна, - вежливо обратился он к ней.

- Здравствуйте, - неуверенно произнесла Алёна.

- Что, не узнаете? – удивился парень.

- Не узнаю.

- Ну молодец. А речку Кривянку помните?

- Пикник. А, пикник! – с радостью вспомнила Алёна: - Ваня! Это же надо, в другой одежде и как совсем другой человек.

- Нормально было бы, если бы я зимой, в двадцатиградусный мороз, разгуливал в джинсах и спортивной маечке.

- Да, было бы не очень, - согласилась Алёна.

- А можно я вас немного провожу? А то, как расстались, сойдя с того автобуса, так вы и пропали как будто навсегда. А я вас, почему-то, часто вспоминаю.

- Я не пропала, я просто не стала вас дальше обременять собой. А хотя, я должна вам за билет в автобусе.

Алёна полезла в сумочку за кошельком.

- Да бросьте, не нужны мне ваши деньги.

Так они, после столь бурных эмоций от встречи пошла дальше молча, оба глядя в землю, даже не зная, о чём говорить.

Прервала молчание Алёна:

- А вот и мой дом. Спасибо, что проводили.

Иван посмотрел в глаза Алёне и как-то робко и неуверенно сказал:

- А может я и завтра вас провожу?

- Не, не получится.

Вид у Ивана стал такой жалкий. Он так явно показывал свою обескураженность. И тогда он спросил:

- Что, кто-то есть, чтобы провожать?

- Ни в том дело, - весело отреагировала Алёна: - у меня завтра выходной. Я в магазине на кассе работаю. Так что у меня выходные ни как у нормальных людей.

- Выходная? Так это всё меняет! Может завтра просто встретимся? Ну не знаю, погуляем, может куда ходим.

- Ну давай встретимся. А когда?

- Ну скажем, часов в шесть. Я сюда приду. Ладно?

- Ладно, договорились.

Иван первым протянул руку Алёне. Та с радостью пожала её.

На следующий день, сидя в кафе, Иван с Алёной практически молчали.

Они, возможно, гуляли бы по улицам. Но, в этот вечер мороз до того кусался за щёки, и так настойчиво пробирался под верхнюю одежду, что, после молчаливого получасового хождения, Иван и предложил зайти в кафе, взять по стаканчику кофе и что-нибудь к тому кофе.

Алёна согласилась. Ещё бы нет! Она, за этих пол часа и сама достаточно продрогла.

Алёна, сделав несколько глотков кофе, спросила у Ивана:

- Кофе – это хорошо. А если мы возьмём что-нибудь покрепче?

- Как покрепче? Не лате, а американо?

- Ты чего, претворяешься?

- Чего я претворяюсь?

- Покрепче значит, ну там по сто пятьдесят коньяка, или уж водки в конце концов.

- Ты что Алёна, не надо, я не пью.

- Как, совсем, совсем? И даже вина?

- Вино очень редко, в хлебопреломление.

Алёна не поняла, что это означает «хлебопреломление», но переспросить постеснялась, чтобы не выглядеть далёкой от каких-либо знаний. И только на всё это ответила:

- Странный какой-то ты Ваня.

И вдруг внутренне поняла, что Ваня именно тот, кого бы терять не стоило. Потому, покорно подняла свою чашечку и отпила из неё ещё несколько глотков. Потом отломилась ложечкой маленький кусочек пироженого, положила в рот и стала медленно рассасывать его, смакуя приятный вкус крема.

Посидели мочка ещё сколько-то.

Заговорил Иван:

- Алёна, при первой нашей встрече в лесу, ты практически выведала у меня всё про меня. А можно ты расскажешь теперь о себе?

- Не думаю, что тебе будет приятно всё узнать обо мне.

- А ты расскажи. А там увидим.

Голос Ивана звучал нежно, но с нотками настойчивости. Разговаривал он с Алёной, как в детстве разговаривал детский врач, когда лечил Алёну. И голос его всегда звучал

так, что постоянно располагал к доверию и успокаивал, даже тогда, когда надо было принять горькую таблетку или сделать укол.

И Алёна поведала Ивану всё, всю свою незадавшуюся жизнь.

Рассказала и про ленточку. И, даже о том чуде, что нашлась та ленточка в том лесу, прямо перед их встречей.

Иван слушал внимательно. И когда Алёна закончила своё повествование, тихо сказал:

- Столько чудес и знамений тебе даровано судьбой, а ты их все отвергала. Счастье своё отвергала, а напасти принимала.

- Хорошо, тогда скажи, в чём моё счастье, и как я его отвергаю?

- Хорошо Алёна, я обязательно тебе скажу, и даже покажу. Но, не сегодня. Когда у тебя будет выходной в воскресенье?

- Не знаю. надо дома график посмотреть.

- Вот посмотри, позвонишь мне. И мы с тобой в то воскресенье встретимся, я тебе скажу где.

- А что это за место хоть скажи.

- Сказочное.

***

До воскресенья, в котором должен был быть выходной Алёны, пришлось ждать больше недели.

Они встречались с Иваном. Говорили обо всём и как бы ни о чём.

Но, даже эти незначительные встречи, и даже когда они просто бродили молча, очень нравились Алёне.

Ей с Иваном было почему-то всегда хорошо и спокойно.

И наступил тот долгожданный выходной!

Иван назначил встречу с Алёной на площади свободы.

Люди совершенно не понимают значения слово «свобода». Но, с радостью называют этим словом и улицы, и площади. Как-то это импонирует их гордости и само возвышению.

Но, как бы там ни было, Иван именно на этой площади назначит встречу с Алёной на десять часов утра. Даже попросил, чтобы она пришла не ровно в десять, а хотя бы на пятнадцать минут раньше.

Хоть такая щепетильность в отношении времени и удивила Алёну, но она с покорностью сделала так, как просил Иван.

Когда встретились, Иван повёл Алёну в ближайшее здание.

Так-то здание было не примечательное. На площади были и куда красивей здания.

Здание двухэтажное. А были и высотки, с размахом и гордостью стремящиеся в небо.

Может быть одно, что отличало это здание от других. Сбоку, справа от главного входа в здание висела вывеска, на чёрном фоне золотистыми буквами было написано «Церковь Возрождения». И небольшой золотистый крест перед самой надписью посередине.

Ничего не понимая, Алёна вошла в это здание за Иваном.

Практически с первых же мгновений Алёна ощутила какую-то непривычную обстановку.

Ей почему-то показалось, что в этом здании очень уютно. И лишь позже она сообразила, откуда берётся это ощущение.

Люди. Они, вроде бы те же, что и на улице. Но, у них простые, счастливые лица. И глаза светятся каким-то не обычным светом, полные доброты и внимания.

С Алёной приветствовались, обращались с ней как с дорогим и очень желанным человеком.

Кто в первые попадал на баптистские служения, тот сам помнит это чувство не понятного восторга и приятного возбуждения.

Что описывать, Алёна была и восхищена, и поражена.

Хоть на первый взгляд, и интерьер, и убранство этого помещения ничуть не могли вызвать такие чувства.

И лишь много позже Алёна поняла...

Люди, именно люди создавали такую возвышенную эйфорию в этом помещении.

Что много об этом говорить. Алёна, когда могла, стала посещать с Иваном эту церковь.

Не прошло много времени, и Алёна покаялась перед Господом.

Каяться было в чём, для Алёны всё осознать не составляло никакого труда.

И стала постепенно меняться её жизнь.

Алёна, по настоянию Ивана, восстановилась в институте. Радикально поменялись её отношения с отцом и матерью. И со старшим братом, и его женой и детьми стали складываться прекрасные отношения.

Летом состоялось знаменательное событие, Алёна приняла водное крещение.

И уже осенью Алёна и Иван сыграли свадьбу.

На венчании в их церкви, Алёна и Иван были связаны руками синей лентой. Той самой, что Алёна нашла в лесу на берёзке.

И банты, сделанный как цветки васильков, украшали лацкан пиджака Ивана, и швейку платья Алёны.

Читатель может спросить: «Почти обыденная история. А где же здесь сказка?»

А ответьте мне пожалуйста, многим ли из вас дарили голубую ленту? Многих ли из вас, та лента, связала вашу судьбу с по-настоящему любимым человеком и так, чтобы можно было бы без лицемерия сказать:

- Они жили долго и счастливо!

Если вы не можете так сказать, то идите к Господу. И Он всегда найдёт для вас «голубую ленту»!